Сохранить жизнь

Уникальный в своем роде научно-производственный центр «ХимФармСинтез» действует при Институте биоорганической химии Национальной академии наук. Здесь создают лекарства от онкологических заболеваний. Препараты, в отличие от зарубежных аналогов, доступны по цене широкому кругу потребителей, причем не в ущерб качеству. Сюда приезжали перенять опыт даже японцы, известные своей технологической продвинутостью.

Заместитель начальника, руководитель производственного отдела «ХимФармСинтеза» кандидат химических наук Александр Фарина в интервью корреспондентам агентства «Минск-Новости» рассказал о работе важнейшего для отечественной фармацевтики предприятия.

В качестве эксперимента

— Александр Васильевич, как все зарождалось?

— Наш НПЦ является подразделением [Института биоорганической химии Национальной академии наук](#). Основная деятельность центра — разработка и промышленное производство лекарственных средств. В таком виде мы существуем с 2012 года. Однако фактически работа началась еще раньше. В конце 1990-х мы стали сотрудничать с белорусскими производителями, в частности с «Белмедпрепаратами». Оказалось, что те химические соединения, которые у нас исследовали, применялись как лекарственные средства. Возникла кооперация. Мы производили в лаборатории, практически в колбах, химические субстанции, передавали их отечественным производителям, и те из них делали лекарства. Тогда еще не было строгого регулирования, работали по старинке. Инициатива оказалась выгодна всем сторонам и, естественно, получила развитие.

Идейным вдохновителем проекта «ХимФармСинтез» стала доктор химических наук, профессор, член-корреспондент Елена Калиниченко — наш нынешний руководитель. Она тогда возглавляла лабораторию химии полинуклеотидов. Лаборатория тесно сотрудничала с Институтом органического синтеза Латвийской академии наук, где на экспериментальном заводе (будущее предприятие «Гриндекс») шла отработка технологии получения фармсубстанции первого в СССР препарата против рака. И тогда у Калиниченко зародилась идея организовать подобный экспериментальный завод у нас в стране. Сформировала проект — Академия наук поддержала его.

Указом Президента было выделено финансирование, мы провели реконструкцию четвертой части института и начали работать. Так открылось современное фармацевтическое предприятие. Уникальность его для Беларуси, а может, и для всего постсоветского пространства в том, что мы осуществляем полный технологический цикл. Сами разрабатываем технологии, делаем субстанции, превращаем их в таблетки, капсулы и растворы, которые сами и реализуем в Беларуси, России и Казахстане. Остальные предприятия обычно закупают уже готовые субстанции.

Не зависеть от других стран

— Есть какие-то уникальные разработки?

— У нас есть свой оригинальный препарат для лечения рассеянного склероза. Хотим освоить новую технологию — пролонгированного высвобождения действующего вещества после того, как человек уже принял лекарство. Препарат начинает действовать не сразу, а через некоторое время. Мы уже имеем опыт изготовления

таких таблеток, но сейчас решили пойти по другому пути получения и осваиваем эту особую технологию.

Однако основная направленность — таргетные противоопухолевые лекарства. В последние 25 лет произошел прорыв в лечении рака. Раньше это была общая химиотерапия. Затем стало понятно, что можно воздействовать таргетно, т. е. точно — не на весь организм, а на саму опухоль. В этом направлении тоже активно работаем. Постоянно появляются новые препараты против различных видов рака.

У нас сильная научная база. Пока другие думают, где приобрести субстанцию, мы разработаем собственную. Она под патентной защитой, нам проще. Основная цель — дженерики первого поколения. В этом и есть наша уникальность — выпуск субстанций. Можем делать препараты быстрее, чем другие производители. Не зависим от поставщиков, особенно сейчас, в условиях сложной геополитической ситуации. У многих предприятий существуют проблемы с покупкой и доставкой фармсубстанций нужного качества. У нас таких сложностей нет. Все производим сами. Покупаем обычные химические соединения и в несколько стадий превращаем их в лекарства.

— Они продаются только в Беларуси или в других странах тоже?

— Когда проект создавался, главной целью было импортозамещение. Часто зарубежные препараты стоят огромных денег, и наши качественные аналоги очень помогают в таких ситуациях — значительно снижают стоимость лечения. По качеству они не только не уступают, но порой и превосходят оригиналы. Мы закрепились здесь и начали изучать маркетинговые возможности. В 2015 году попытались выйти на зарубежный рынок: в Казахстан, Латвию, Польшу, Россию. К нам приезжали за опытом даже японцы, а они в некоторых сферах впереди планеты всей. Представьте себе, их заинтересовал белорусский опыт. По разным причинам в последние 3–4 года сильный вектор переместился именно на Российскую Федерацию. Это очень хороший рынок. У нас, к слову, с соседней страной унифицированное законодательство. Мы заняли эту благоприятную нишу и развиваемся. Примерно 30 % нашей продукции сейчас идет туда.

— Не могу не спросить о финансировании. Власти вам помогают?

— Изначально, разумеется, мы финансировались государством, но сейчас фактически на полном самообеспечении. Есть все возможности и ресурсы не только работать, но и развиваться.

Отечественный — не значит хуже

— Часто люди приходят в аптеку и сразу просят импортный препарат. Хотя тот стоит на порядок дороже и не всегда лучше! Не доверяют почему-то отечественным лекарствам. С чем, по-вашему, связан такой стереотип?

— Сложно сказать однозначно. Думаю, ответ лежит в психологической плоскости. Еще с советских времен привыкли думать, что зарубежное лучше. Но, поверьте, это далеко не всегда справедливо.

Да, некоторые производители пытаются экономить. Не всегда удается закупить субстанцию высокого качества. В нашем случае все совершенно по-другому. Конечно, мы тоже пытаемся искать дешевое сырье. Но у нас оно проходит несколько стадий очистки от примесей, ненужные вещества убираем.

Привлекаем молодежь условиями

— Сколько человек работает на предприятии?

— Сейчас около 70.

— Смена поколений ощущается? Говорят, нынешние специалисты уже не те. Находите таланты в вузах или обходитесь старыми кадрами?

— Я бы не сказал, что все идеально, но нам удалось привлечь немало талантливой молодежи. Мы могли позволить себе платить больше обычного. Люди приходили и чувствовали, что работают не зря.

У нас молодой дружный коллектив, работать интересно, еще и зарабатывать можно неплохо.

Сейчас кого-то потеряли, но многие специалисты остались. В их числе и три кандидата наук. Есть проекты, сотрудничество с другими организациями, например с Институтом микробиологии. Пока научного потенциала хватает. Есть и перспективные новички, так что штат постепенно пополняется.

Гиганты фармацевтики умышленно тормозят рынок

— Как считаете, есть потенциал в этой сфере в Беларуси? Динамично развивается или находится в определенной стагнации?

— Конечно, есть трудности, не скрою. Особенно с выведением препаратов за рубеж. Это всегда непросто. Мы не до конца используем весь потенциал, но нишу заняли прочно. И экономически эффективны. У нас узкая направленность — действуем против злокачественных опухолей, опыт около 10 лет, половина сотрудников — молодежь.

У нас замечательная лаборатория контроля качества, она заняла призовое место на республиканском конкурсе «Компетентность-2023».

Наши работники ездят по стране как эксперты. Это определенный уровень. Как я уже говорил выше, даже японцы приезжали изучать опыт. Имеем приличное оснащение, необходимое современное оборудование, но есть еще над чем работать, и это стимулирует, мотивирует.

— Ваши прогнозы на ближайшие 10 лет в лечении онкологии: будет ли явный прорыв или ожидается топтание на месте?

— Полагаю, что революцию мы уже наблюдаем. Появились препараты нового поколения на основе моноклональных антител — это модифицированные лейкоциты. Сейчас реализуем проект по реконструкции соседнего здания, где планируем заниматься именно этими разработками.

Вы знаете, рынок искусственно где-то тормозится зарубежными фармацевтическими гигантами. Им не всегда выгодно отказываться от уже проторенной дороги, ведь разработанные препараты отлично раскупаются и приносят баснословный доход. Но буду оптимистом: технологический прорыв в лечении онкологии не остановить. И те пациенты, которые еще лет 20–30 назад были обречены, сегодня могут если не полностью излечиться, то точно сохранять качество жизни на долгое время.